

Время, которое учит быть вместе

Митрополит Ростовский
и Новочеркасский МЕРКУРИЙ

Мы просто делаем свое дело

— Ваше Высокопреосвященство! Юг России сейчас в каком-то смысле — это и центр России, потому что здесь проходят самые сложные процессы, связанные со специальной военной операцией. Как Церковь здесь сейчас себя чувствует: как часть этой важной общенародной миссии или у Церкви здесь какая-то своя миссия? Чем сейчас живет епархия?

— В любых условиях Церковь остается Церковью. Она исполняет свою миссию, которая на нее возложена Господом: свидетельство Евангелия и спасение человеческой души. Условия могут быть мирные или далеко не мирные, они могут меняться. Но слово евангельское и служение Церкви настолько универсальны, что доносят христианские смыслы при самых сложных обстоятельствах. Меняются формы, суть остается неизменной. Поэтому мы просто делаем свое дело, работаем со всеми: со здоровыми, с больными, с живущими привычной жизнью или силой обстоятельств вырванными из нее. Наша епархия, учитывая ее географическое расположение, похожа на станцию метрополитена. Одни поезда приходят, другие уходят. Представьте себе, что через область в течение определенного времени ежедневно проходило от 18 до 25 тысяч беженцев! В каком ритме должны люди трудиться? Конечно, не все эти беженцы проходили непосредственно через церковные социальные службы. С людьми в первую очередь работал огромный государственный аппарат, помогая и поддерживая их. Но есть некоторые вещи, в которых первостепенную роль играла именно Церковь, исполняя свое призвание быть «солью земли». Когда люди бегут от фронта, у них порой с собой есть лишь то, что на них надето, и в лучшем случае документы. Люди голодные, холодные, голые-босые, им нужно бутерброд дать, налить чаю горячего, предоставить место для ночлега, понять их нужды, но главное — найти слова утешения... Эти люди столкнулись с тем, с чем мы здесь, слава Богу, пока не сталкиваемся. Они были под бомбежками, видели смерть. Им очень сложно духовно и психологически прийти в себя. Поэтому Церковь рядом с ними настолько, насколько это возможно. Не знаю, удастся это или нет, но что-то пытаемся сделать.

— Страна наша большая, и сигнал, когда идет, постепенно теряется... И здесь, на Дону, сигнал боли и страдания слышен гораздо отчетливее, чем где-то в больших и далеких городах. Почему, как вы думаете, вообще все происходящее стало возможным? Почему все то общее, что было между нашими народами, во многом утеряно? Потому что боль не только от смерти и разрушений, но и от потери того, что мы раньше имели, но, видимо, не берегли. Как вам кажется, в чем причина нынешней ситуации?

— Причина очень простая. Преподобный авва Дорофей об этом говорил, приводя пример круга. Центр круга — Бог, из центра расходятся радиусы. Чем ближе люди к Богу, тем ближе друг к другу. Чем дальше от центра, от Бога, тем дальше от ближнего. Происходит то, что можно было бы охарактеризовать как обезбоживание мира. И к сожалению, это коснулось в том числе и России, и Украины, и Белоруссии. Согласитесь, что при всем внешнем антураже глубина веры утрачивается, расстояние между людьми увеличивается. И должны произойти глубокие потрясения, под влиянием которых человек будет сосредотачиваться не на внешнем, а именно на внутреннем. Для того чтобы до этого внутреннего человека достучаться, нужно удалить всю дебелисть. И происходит это только от соприкосновения с человеческим горем и с болью.

Должен признаться вам, что и в четырнадцатом году, да и сейчас, когда так близко стреляют, когда массово гибнут люди, есть определенный страх того, что ты встретишься с чем-то таким, чего никогда в жизни не видел, и неправильно на этоотреагируешь. Поэтому, когда в первый раз шел навещать раненых в госпиталь (не буду скрывать, у меня есть медицинское образование, и с человеческой болью, и ранениями, и кровью приходилось сталкиваться) и увидел привезенных с фронта бойцов, от которых еще пахло порохом, конечно, это был шок. Но если справишься с этой шоковой ситуацией, то начинаешь совершенно по-другому все воспринимать, чувствовать. И солдаты наши, и не наши солдаты, которым тоже оказывается помощь, и беженцы, и дети — это удивительные люди. Их глаза полны горя и скорби. Но, знаете, я ни в одних глазах

Посещение Центра гуманитарной помощи Донской митрополии, включенного в список лучших по стране

не видел звериной жадности мести! Ни в одних глазах я не видел жадности крови. Ее там не было. Людей, которые пережили горе, боль и страдания, Бог делает более человечными, не ожесточает их.

— Мы все дети мира. Мы привыкли уже несколько поколений жить под мирным небом. Ситуация сейчас поменялась, и надолго. Наверное, когда начиналась пандемия, всем казалось происходящее очень страшным, а теперь можно предположить, что это была только подготовка к чему-то более серьезному. Вам не кажется, что мы в какой-то новый период вступили?

— Не стал бы объединять в жесткой редакции пандемию и СВО, но мне кажется, что Господь людей всегда к чему-то готовит. Есть Промысл Божий о людях. И в соответствии с Божественным Промышлением о мире и о человеке человечество входит в некоторые жизненные обстоятельства ситуативно подготовленным. Опыт пандемии — это время разобщенности. Несколько лет карантина показали, насколько тяжело людям жить по отдельности, насколько тяжела искусственная изоляция, отсутствие общей молитвы, общей трапезы, общения. И мне кажется, тем самым Господь как бы говорит нам: «Послушайте, други Мои, вот вы видели, как страшно жить отдельно друг от друга, а сейчас настало время, когда вам нужно быть вместе». Так что сейчас именно то самое время, когда нам всем нужно быть вместе! И это духовно очень плодотвор-

ное, на мой взгляд, время, потому что мы очень многое приобретаем от данной общности. Мы учимся вместе молиться, учимся вместе трудиться, учимся делиться куском хлеба, служить другим людям, не откупаться, а отдавать по-евангельски то, что Бог заповедовал нам отдать. Ведь Он не сказал отдать лишнее, от избытка. Он сказал поделиться своим кровным. Вот этому мы сейчас и учимся. Поэтому я думаю, что пандемийное время — это в определенном смысле как раз духовная подготовка к происходящему сейчас.

Ценить свое и уважительно относиться к чужому

— В Донской митрополии тема общности и единства приобретает особенное значение с учетом того огромного количества разных культур, традиций и национальностей, которые сосуществуют здесь на протяжении многих сотен лет. Как здесь уживаются вместе люди с разными культурными кодами?

— В Ростовской области проживает 154 национальностей, но земля у нас одна и страна у нас одна. Каждая национальность, каждая диаспора, которая здесь существует, это, как сказали бы наши предки, неповторимый бриллиант в короне Российской империи. И надо сказать, что от такого многообразия красота короны приобретает еще большую ценность. И в православную традицию каждый (грузины, ассирийцы, греки, корейцы и молдаване, а про украинцев и белорусов

вообще говорить не приходится) привносит что-то свое. Например, беженцы, к которым я поехал на Рождество, пели колядки на украинском языке. Это было очень трогательно. В то время как русскую культуру на Украине запрещают, они в России поют украинские песни. Правда, в первые секунды смотрели с некоторой опаской. Я спрашиваю: «Чего вы опасаетесь?» — «А вдруг вам это не понравится?» — отвечают. «Послушайте, я люблю украинские песни, я люблю украинский язык, у меня много друзей-украинцев. Почему мне это должно не нравиться?» А глаза людей были полны и удивления, и радости.

На Дону за много веков казаки научились ценить и отстаивать свое и уважительно при этом относиться к чужому. И этот принцип заложен в основу российской государственности. Нужно ценить и беречь свое и с уважением относиться к тому, что рядом. Это же касается не только национального, но и религиозного многообразия. Ведь и в Ростове, и в Ростовской области очень много последователей Армянской Апостольской Церкви, ислама, иудаизма. И мы с ними находим общий язык. Встречаемся и общаемся, и надо сказать, что в вопросах социального, тюремного служения, нравственного свидетельства всегда вместе. Что в основе? Уважительное отношение друг к другу. Согласитесь, для мирной жизни иногда не хватает элементарной культуры и уважения. Пусть грекам и грузинам, ассирийцам и корейцам, украинцам и белорусам — всем будет уютно здесь, на Дону, и в России.

— *Как должна быть выстроена богослужбная жизнь в храмах для диаспор, как соединить традицию нашей Церкви с особенностями служения, принятыми в других местах?*

— Любая диаспора не может быть совершенно оторвана от окружающего ее мира. Когда я служил в Соединенных Штатах Америки, у нас были приходы англоязычные и русскоязычные. Но, как правило, всегда служили на двух языках. Не было такого, чтобы служили только на английском или только на церковнославянском, всегда старались какое-то проявлять уважение к культуре и религии других людей. И здесь точно так же. Есть, например, греческий приход, паства которого состоит из русских и русскоязычных греков. И богослуже-

ние тут совершается и на церковнославянском, и на греческом языках. Мы также всегда разделяем радость их национальных праздников. Такая же картина с грузинами, украинцами, белорусами — со всеми.

Перспектива Ростова — в многоклирных приходах

— *Храмов становится все больше в последние годы. Как вам кажется, сейчас достаточно храмов в целом по митрополии и в самом Ростове?*

— Постараюсь ответить кратко: оптимально, но недостаточно. Много сделано, но есть к чему стремиться. В старом городе уже сложно строить храмы — очень высокая плотность застройки. В основном город прирастает новыми территориями. Потому мы сейчас работаем с Управлением архитектуры города над планами новых микрорайонов. Согласитесь, важно ведь не только храм построить, но и приходской центр, воскресную школу, парковку для машин, детскую площадку, создать социокультурную среду, парковую зону. Думаю, что время одноклирных приходов для Ростова прошло, потому что один священник очень немногое сможет сделать при все возрастающих духовных и социальных потребностях.

*Благословение
новопоступивших
воспитанников
и воспитанниц
семинарии*

Священника нужно возвращать

— По каким критериям вы выбираете ставленников в священный сан?

— Священниками не рождаются, ими становятся. Священник прежде всего пастырь, а уже потом администратор. Мало услышать от будущего пастыря свидетельство того, что Бог есть. Надо, чтобы вера была в нем живая и деятельная. Священнику обязательно надо иметь глубокую убежденность в том, что Бог его никогда не оставит. Бывают сложные ситуации, когда человек боится испортить начатое дело и открыто говорит архиерею: «Я не справлюсь». И такого человека следует ценить за его честность; но все же нужна вера в возможность сделать то, что тебе поручено. «Владыка, Благословите, и я пойду и сделаю!» — вот как выглядит идеал. Если человек знает по опыту своей жизни, что Бог всегда рядом, он скажет вместе с апостолом Павлом: *все смогу в укрепляющем меня Иисусе Христе* (Флп. 4, 13) — и пойдет. А если он сказать так не может, значит, еще не почувствовал в себе эту силу Божию, не окреп.

— Но ведь разбираться в практических вопросах тоже нужно, и строить храм нужно уметь.

— Дело все в том, что храм будет строиться тогда, когда душа прихода будет построена. А если священник не может собрать душу прихода, то и храм не будет строиться. Много раз в жизни мне приходилось участвовать в строительстве храмов... И могу вам сказать, что строительство храма — это удивительное дело Божие! Нет ничего и никого, вокруг почти пустыня, только указ архиерейский на руках. Приходит человек и начинает что-то делать. Землю таскать, сорняки убирать, грязь выносить, еще что-то. Потом приходит другой, такой же «ненормальный», как первый, и вместе с ним начинает копать. Потом, глядя на них, приходит третий, четвертый приносит копейку, пятый приносит кирпич, а шестой тащит бревно. И глядишь, их уже 10, 12, 15, 150! И это уже их храм! Они живут им, это община. Они туда приводят свои семьи. Община разрастается почему? Потому

что это их общее дело. А почему это их дело? Потому что есть священник, который своей верой поделился и сказал: «Я в это верю, и Бог мне помогает». Именно так созидаются и храм, и пастырь. А бревна... все придет в свое время.

— Со временем к священнику и опыт приходит. Пока священник молодой, наверно, он может совершать много ошибок. Однако среди духовенства Ростовской-на-Дону епархии довольно большой процент священников молодых. Это сознательный выбор?

— Да. Когда я еще был молодым иеромонахом, в разговоре со своим правящим архиереем о кадрах в Церкви тот выразил мысль, что Церкви нужны молодые и деятельные священнослужители. Не возражая, я сказал, что у молодых есть один существенный недостаток — отсутствие опыта. На что владыка, помолчав, заметил: «Когда приходит опыт — уходят силы»... Сейчас я это все больше понимаю. Поэтому готов простить ошибки деятельности, но не готов мириться с ее отсутствием.

Сохранить в себе благоговение и приносить пользу обществу

— Вы уже много говорили про священников. Почти все они воспитываются здесь, и главным источником зарождения их священнического служения является Донская духовная семинария. Вы устроили семинарию, сейчас это серьезное духовно-образовательное учреждение, есть программы бакалавриата и магистратуры. Что она вам дает? Сколько священников — выпускников семинарии служат в епархии?

— Процентом восемьдесят пять. Я даже скажу больше: тех, кто получал образование в духовных училищах или оканчивал теологические кафедры, мы просили пройти курсы в нашей семинарии.

Священник — это ведь не только про образование. Мы начали говорить о том, что священнику важна вера. Да, но одной веры недостаточно. Будущий священник должен быть воспитан в Церкви, он должен жить церковной жизнью, дышать Церковью. А что может так воспитать человека? Только богослужение. Важна, конечно, и практическая сторона. В большей степени сейчас — и это, кстати, тре-

вожный симптом — к нам в семинарию поступают молодые люди не из семей священнослужителей. Почему дети священников не всегда хотят идти по стопам своих отцов — вопрос. Но это отдельная тема.

Так вот, священник — это не только про образование. Можно быть прекрасно образованным человеком, но совершенно никчемным священником. Поэтому семинария — это не воспитание религиозных менеджеров, а воспитание человеческих качеств, которые не были раскрыты, может быть, в семье, в школе или вузе, если человек оканчивал его. Очень важно во время учебы взрастить и укоренить чувство благоговения. Когда я рукополагаю в священники, всегда напоминаю: сохраните в себе благоговейное отношение ко всему: к службе, к богослужебным предметам, к языку, к общению. Благоговение — это залог того, что вы будете хорошим священником. Вот этому семинария должна научить.

Больше всего я благодарю Бога за то, что Господь дает мне возможность служить. Когда служишь, ты стоишь у престола, ты начинаешь привыкать к этой жизни будущего века. И чем больше ты служишь, тем больше вживаешься в эту жизнь, тем больше входишь в ее тело. Я всегда Бога прошу: дай мне возможность как можно больше послужить Тебе. Все остальное уже неважно.

В свое время мы об этом много говорили и с ректорами семинарий, и с Учебным комитетом, и с другими людьми, которые имеют самое непосредственное отношение к образованию в Русской Православной Церкви. Семинария, конечно, в дополнение к программе обязательно должна дать хорошую практику. Кто за партой научит тебя общаться с паллиативными больными? Или кто даст опыт работы в школе? А семинария должна предоставить этот практикум обязательно. Жизнь в семинарской среде, общение внутри этой единой

духовной семьи должны восполнить тот недостающий опыт, который не дает теоретическое образование. И в этом большая роль воспитателей, духовных наставников. Может быть, на один час теории у воспитанника должно быть два часа практики. Будущего священника необходимо максимально подготовить к встрече с людьми и приходской жизни. Он должен прекрасно знать и читать тексты на латыни или греческом языке, но важно и то, как он с людьми общается, насколько он сможет утешить их или предостеречь от жизненной ошибки. Вот это важно.

— *У вас высокий уровень преподавательского состава в семинарии? Все же качество преподавания — это тоже важно.*

— Безусловно! Человек начинает понимать, что он недостаточно хорошо и правильно учился в вузе, только после того, как он этот вуз окончил. И семинарист тоже. Поэтому задача преподавательской корпорации — сделать максимально возможным, чтобы это созревание пастыря внутри духовной школы проходило эффективно и не после окончания духовной школы.

— *К вам приходят по большей части люди по остаточному принципу? Те, кто не смог поступить в другие вузы?*

— Нет, конечно. У нас в семинарии учатся люди, окончившие светские вузы. Это состо-

явшиеся люди. Молодым ребятам, конечно, сложно еще разобраться, они не всегда могут определить, чего они в жизни хотят. Задача семинарии состоит в том, чтобы тягу юношеского сердца к служению Богу укрепить, развить, утвердить человека на пастырском пути. Конечно, восемнадцать и даже двадцать лет — это очень ранний возраст для поступающих в семинарию. И здесь крайне важно, чтобы семинаристы сохраняли непрерывную связь с теми, кто их рекомендовал, с добрым хорошим духовенством, чтобы студенты учились у них. Потому что добрый пример намного большему учит, чем годы обучения за партой.

— *Духовное образование — одна из двух составляющих общей образовательной системы, вторая — кафедра теологии в Донском университете. Какие цели вы ставите перед теми, кто поступает на эту кафедру?*

— Мне кажется, что кафедра теологии в вузе — это синтез светского и духовного образования. К сожалению, совсем мало людей разбирается в вопросах церковно-государственных отношений. Кафедра готовит таких специалистов, которые смогли бы работать в различных институциях: и в административных, и в ведомственных.

— *Сейчас они востребованы здесь?*

— Могу сказать, что в них есть необходимость. Думаю, такие специалисты в различных

институциях могли бы внести значительный вклад в создание духовных скреп нашего общества, соединяя воедино ткань общественных взаимоотношений сегодня и в перспективе.

— *То есть кафедра — это ваш вклад в будущее? Такая инвестиция в церковно-государственные отношения?*

— Очень хотелось бы надеяться на это. Но кафедра находится в стадии развития, как и любая теологическая кафедра в России. Это не то, что функционирует как часы. Это, простите, пока только «состоявшийся эмбрион», который должен еще вырасти и родиться.

Хозяйка Дона

— *Вами было инициировано написание самой точной копии того образа, который хранится в Третьяковской галерее. Можно сказать, что это не просто копия, но новая святыня, имеющая свою связь с ее предшественницей?*

— Благословение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на создание этой копии с чудотворного образа было получено в ответ на просьбу жителей Донского края иметь таковой список у себя. Предание доносит до нас сведения, что сама чудотворная икона была преподнесена казаками князю Димитрию. Так или иначе, эта икона непосредственно связана с Доном. А Дон без Донской иконы быть не может. Отсюда и многовековое почитание.

Так родилась идея обратиться к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу за благословением создать точную копию. А как создать? Конечно, с помощью специалистов Третьяковской галереи. И я с огромной благодарностью, подходя к иконе Божией Матери, каждый раз вспоминаю тех людей, которые способствовали этому делу, — и дирекцию Третьяковской галереи, и хранителей иконы, которые дали нам абсолютно все сведения до мельчайших подробностей. Итогом трудов стала абсолютная копия.

Эта новописанная икона была освящена в храме Николы в Толмачах в присутствии двух великих всероссийских святынь: икон Владимирской и Донской. У губернатора Ростовской области возникла мысль воссоздать и оклад на икону. Он был выполнен мастерами Данилова монастыря и предприятия «Софрино» при

активном участии сотрудников Третьяковской галереи на основе имеющихся архивных описаний и хромолитографий. Шестого мая 2015 года, накануне 70-летия Великой Победы, в специальном вагоне ее привезли на Дон. Около десяти тысяч людей встречало эту икону. Была ненастная погода, шел ливень, когда икону крестным ходом несли в кафедральный собор. И кто-то из священников сказал тогда очень красивые слова: «Господь сокрыл солнце для того, чтобы еще ярче сияла слава Его Пречистой Матери».

— *Люди тогда собрались тысячами встретить ее, но собираются ли они сейчас для того, чтобы эту новую донскую святыню почитать?*

— Собираются, конечно. С того самого дня у иконы каждодневно совершается 4–5 молеб-

нов с акафистом. К ней приходят и миряне, и священники, приезжают на праздник архипастыри, приходят военнослужащие. С молитвами у этой иконы связано много случаев заступничества и чудесного спасения жизней среди воинства, среди представителей правоохранительных органов. Просто так люди к иконе никогда не пошли бы. Несколько раз в году все духовенство города собирается специально для молитвы пред образом. Верю, что Она особенно хранит наш край в это беспокойное время.

— *Наверное, это заслуживает того, чтобы икона получила общецерковное почитание?*

— Думаю, да. Благословение и статусность важны, но самое главное — почитание и любовь народа. А они есть. Вот сегодня вы были в храме, видели, как люди идут к образу Пречистой. Поток людей, который практически не иссякает. А ведь к пустому роднику, как известно, за водой не ходят.

Встреча сводного отряда полка ГУ МВД РФ по Ростовской области, вернувшегося из служебной командировки

Преодолеть распри и встать в общий строй

— *Дон — это, конечно, земля героев, и нельзя не поговорить о важных ее жителях — о казаках. Опять же, эти импульсы, как и всякие другие, теряются, отдаляясь от этих земель, и казачество воспринимается по-разному. Но каково значение казачества здесь, на его исконных землях?*

— История становления казачества очень непростая. Это плавильный котел, который переплавил в себе разные национальности и культуры, характеры, религии. Так возникло казачество. В конечном итоге государева воля и православная вера сделали свое дело, и казачество стало таким, каким мы его знаем сейчас. Казаки проявляли лучшие качества в самые сложные моменты истории, когда нужно было вставать на защиту Родины. Известны легендарные фамилии казаков, которые служили российскому Отечеству «даже до смерти». Но и противоречия сохраняются. Это в крови

у казаков. Однако, когда началась СВО, все встали в строй. И мы знаем и видим, как народ поддерживает их. Это говорит о поразительной внутренней культуре казачества, которая достойна всяческого почтения.

— *Важным признаком казачества вы отметили веру и упомянули о воцерковленности казаков. Есть ли здесь, на ваш взгляд, какая-то опасность или внутренний риск, связанный с увлечением людей неоязычеством, сходный с тем, что мы сейчас видим в силовых структурах? Есть ли здесь в казачестве это?*

— Риски везде есть. Ведь казаки живут как и все остальные, не в придуманном мире. От воспитания, от заботы о душе казака зависит то, чем он будет жить и «како веровати», а не от того, чем напичкана Всемирная сеть.

Батюшка, будем жить!

— *Завершая наш разговор, если можно, вернемся к теме, беспокоящей каждого сейчас. Дон — это место героев и тех ребят, которые не только по казачьей линии, но и вообще по военной линии здесь находятся, служат, сюда возвращаются после ранений. И вы с ними здесь видите. Вы видите их глаза, вы видите их в том состоянии, в котором они сюда прибывают оттуда, «из-за ленточки», с передовой, где они защищают нашу страну. Кто эти ребята?*

— Они герои не только потому, что они получили ранение. Они герои не потому, что они пошли туда. Они герои потому, что они в современном почти бездуховном мире оказались способны сохранить в себе великий дух России, духовное достояние наших предков, и потому, что они среди зла в состоянии не ненавидеть. Вот почему они герои.

Они стойкие, они мужественные, они цельные, природно-цельные, они чистые, открытые, незлые среди зла. Это удивительные простые русские люди...

Для меня показательна одна история. Когда началась СВО, я приехал первый раз в госпиталь. На моих глазах стали разгружать раненых ребят, которых только-только сняли с вертушки. Одни стоят около церкви, кто-то сидит на лавках, а кто-то лежит на носилках. Один без ноги, другой без руки, у третьего голова перевязана, все в грязи. Ну и я пришел, такой дядька

непачканный, на ногах и с руками... Подошел к ним, иконочку дал в благословение. Они как дети, понимаете? «Отец, посиди со мной, поддержи меня за руку». Им нужна сила, поддержка нужна. А я понимаю, что какие-то вещи вообще могу им сказать, но они-то сейчас смерти в глаза смотрели, а я нет... Смотрю, один парень лежит на носилках, глаз забинтован, ноги нет, рука перебита, и я его, может быть, в жизни своей больше никогда не увижу. Подхожу.

— Сынок, как тебя зовут?

— Паша.

— Откуда ты, Паша?

— Я с Дальнего Востока.

— На тебе иконку Божией Матери в благословение...

Взял иконку действующей рукой, положил в карман гимнастерки.

Я смотрю на него и спрашиваю:

— Паш, ну скажи мне, что дальше будет?

И его ответ не то что произвел на меня впечатление, он взорвал все внутри. Я им живу и всем пытаюсь его передать. Этот парень, которого оттуда привезли без ноги и без руки, просто сказал:

— Батюшка, будем жить!..

...Будем жить. Вот эта данность, в которой мы должны, возвращаясь к началу нашего разговора, совершать свое служение. Стараться делать это в мире, в любви и с глубокой верой, что Господь никогда не оставит нас, доколе в нас будет стремление к Нему и доколе за нас будет ходатайствовать Его Пречистая Мать.

Беседовал священник Александр ВОЛКОВ